

БРЮС ГОЛДФАРБ

перевод
ЕЛИЗАВЕТЫ ПОНОМАРЕВОЙ

УБИЙСТВО В КУКОЛЬНОМ ДОМЕ

КАК РАССЛЕДОВАНИЕ НЕОБЪЯСНИМЫХ
СМЕРТЕЙ СТАЛО НАУКОЙ

18+

КРИМИНАЛИСТИКОЙ

МИОУ

Оглавление

Ключевые персонажи	6
Предисловие	9
<i>Глава 1.</i> Судебная медицина	15
<i>Глава 2.</i> «Солнечная улица для избранных»	37
<i>Глава 3.</i> Брак и его последствия	65
<i>Глава 4.</i> Криминалист	87
<i>Глава 5.</i> Родственные души	116
<i>Глава 6.</i> Медицинская школа	132
<i>Глава 7.</i> Трехногий табурет	160
<i>Глава 8.</i> Капитан Ли	198
<i>Глава 9.</i> Этюды	223
<i>Глава 10.</i> Убийство в Гарварде	247
<i>Глава 11.</i> Закат	269
<i>Глава 12.</i> Постмортем	295
От автора	311
Вопросы для обсуждения в книжных клубах	316
Благодарности	319
<i>Приложение.</i> Диорамы Фрэнсис Глесснер Ли	324
Об авторе	330
Примечания	331

Ключевые персонажи

Семья Глесснеров

Джон Джейкоб Глесснер

Сара Фрэнсис Макбет Глесснер — жена Джона Джейкоба Глесснера, известная как Фрэнсис Макбет

Джон Джордж Макбет Глесснер — сын Джона Джейкоба и Фрэнсис Макбет Глесснер, известный как Джордж

Фрэнсис Глесснер Ли — дочь Джона Джейкоба и Фрэнсис Макбет Глесснер, известная в детстве как Фанни

Друзья семьи Глесснеров

Доктор Джордж Берджесс Маграт — гарвардский однокурсник Джорджа Глесснера, патологоанатом Северного судебного округа в округе Суффолк

Айзек Скотт — дизайнер, ремесленник и художник, создававший мебель и декоративные изделия для Глесснеров

Медицинская школа Гарварда

Джеймс Брайант Конант — президент Гарвардского университета (1933–1953)

Доктор Сидни Бервелл — декан Медицинской школы Гарварда (1935–1949)

Доктор Алан Мориц — заведующий кафедрой судебной медицины (1937–1949)

Доктор Ричард Форд — заведующий кафедрой судебной медицины (1949–1965)

Другие

Доктор Роджер Ли — выдающийся бостонский терапевт и личный врач Джорджа Берджесса Маграта и Фрэнсис Глесснер Ли, не родственник

Доктор Алан Грегг — директор отделения медицинских наук Фонда Рокфеллера, отвечающий за финансирование проектов по улучшению медицинских услуг

Эрл Стенли Гарднер — знаменитый автор романов о Перри Мейсоне

Предисловие

Я впервые увидела диорамы Фрэнсис Глесснер Ли в 2003 году, когда, будучи еще молодым врачом, отправилась в Балтимор, чтобы пройти собеседование на вакансию в бюро судебно-медицинской экспертизы. Директор бюро, доктор Дэвид Фаулер, спросил, видела ли я «Этюды». Я честно ответила: понятия не имею, о чем он говорит. Тогда Фаулер отвел меня в темную подсобку и включил свет. В углу комнаты стояли небольшие коробки, прикрытые от пыли тряпками, а в них под оргстеклом скрывался замысловатый и причудливый мир насилия и смерти.

«Этюды на тему необъяснимой смерти» — это сцены убийства в миниатюре. Я внимательно их рассматривала. Заметила напольную плитку в горошек и обои с невероятно детальным цветочным узором в одной из крошечных комнат. В другой коробке находился деревянный домик с кухней и двухъярусными кроватями. На чердаке лежали снегоступы, на плите стояла кастрюля. Ребенком я играла с похожим домиком и постоянно спрашивала отца

отвезти нас в магазин миниатюр, чтобы купить аксессуары для моего личного маленького мира, но я никогда раньше не видела настолько тщательно проработанных кукольных домов. Чтобы сделать тарелки для кукол, я использовала пластиковые кружочки от бутылочных пробок. В «Этюдах» тарелки были сделаны из фарфора. Фарфора! На кухонных полках стояли консервные банки, и надписи на них (как и заголовки в газетах) можно было прочитать. Я замороженно рассматривала детали.

А среди деталей были брызги крови на обоях, гротескные обгоревшие останки тела на сожженной кровати, висельник с побагровевшим лицом. Совсем не обычные кукольные дома. Не игрушки для детей. Что же такое я рассматривала? Кто это сделал? И самый захватывающий вопрос: что здесь произошло, в каждой из историй, запечатленных в миниатюре?

Я приехала на собеседование в Балтимор после двух лет обучения на судебного патологоанатома в Нью-Йоркском бюро судебно-медицинской экспертизы. Во время учебы я вместе с судмедэкспертами из бюро бывала там, где погибли люди. Мне объясняли, что нужно искать и что можно найти на месте смерти, чтобы по велению закона окончательно определить причину и род необъяснимой, внезапной или жестокой кончины. Именно так судмедэксперты учатся расследовать смерти — на практике.

Есть что-то неприятное и извращенное в необходимости без приглашения заходить в чужой дом, рыться в аптечке, мусорных баках и холодильнике, пытаться установить, почему хозяин дома лежит на полу мертвый. Следователи из Нью-йоркского бюро были дипломированными профессионалами, они научили меня,

на чем нужно сосредоточить усилия: что следует высматривать, нюхать, щупать и к чему прислушиваться.

В аптечке вы найдете свидетельства недугов покойного. Большая бутылка антацида подскажет, что он страдал от проблем с пищеварением, но также может говорить и о недиагностированных проблемах с сердцем. Упаковки рецептурных лекарств расскажут, использовались ли эти препараты по назначению, а может, их вовсе не принимали или, наоборот, злоупотребляли таблетками. В мусорном ведре порой скрываются неоплаченные счета, извещения о выселении или выброшенный черновик предсмертной записки. Иногда в холодильнике полно еды, а иногда стоит лишь одинокая бутылка водки. Если еда свежая, то и труп, скорее всего, тоже. Если же она испортилась, это может подсказать степень разложения тела и помочь определить время смерти. На месте трагедии все составляет часть истории, здесь истина обычно скрывается в деталях. Я, судмедэксперт, не могу поговорить с пациентом. Его история болезни — это его окружение, именно на эти данные я буду опираться на следующий день в морге, проводя вскрытие и дополняя его результатами картину трагедии. Мой наставник, покойный доктор Чарльз Хирш, ведущий судмедэксперт Нью-Йорка с огромным стажем, говорил всем, кому повезло у него учиться: вскрытие — это только часть расследования смерти.

Учась проводить вскрытия, я также узнала, что находки с места гибели не всегда что-то раскрывают. Они могут быть бесполезными. Они могут заводить в тупик. Пистолет в руке покойного и свидетель, утверждающий, что у погибшего была депрессия, — аргументы в пользу самоубийства. Но в морге я обнаруживаю отсутствие

ожогов и следов пороха на коже, а значит, в покойного выстрелили с расстояния минимум 80 сантиметров. Человека убили, а затем попытались инсценировать самоубийство. Или кажется, что женщина мирно почила в своей постели во сне. А на следующий день вскрытие показывает, что под чистой кожей на шее залегают глубокие кровоподтеки, а в белках глаз есть точечные кровоизлияния, — все это говорит о насильственном удушении. Так во время учебы я узнала: улики на месте смерти могут подсказать, что вы обнаружите при вскрытии, но не могут полностью его заменить.

Уникальные истории, изображенные в «Этюдах», вернули меня в ту эпоху, когда лишь зарождалось расследование смертей с помощью научных методов, и медики только начали оспаривать первенство коронеров и полицейских детективов в роли экспертов, способных выявить насильственную смерть. Передо мной были работы незаурядного мастера и медицинского эксперта, применившего свои таланты для создания чего-то, что больше, чем наука, и глубже, чем искусство. Экспонаты были практичными, познавательными, а их загадки полностью поддавались расшифровке, при этом интерпретация каждой сцены могла меняться в зависимости от той информации, которую принесло бы вскрытие. Возможность изучать комнаты, заглядывая в них сверху, смотреть на кукол, а не на двигающихся живых людей (или их уже неподвижные тела), позволяла натренировать взгляд и научиться подмечать детали. Я поняла, что «Этюды на тему необъяснимой смерти» были сродни моей практике в Нью-йоркском бюро судебно-медицинской экспертизы, только в миниатюре. Те навыки, которые я приобрела, расследуя сцены смерти в разнообразных реальных квартирах, домах, офи-

сах и на стройках, можно было получить и здесь. Меня поразило то, сколько времени и усилий, вероятно, ушло на создание таких разнообразных, сложных и загадочных сценариев и сколь многому можно было научиться, внимательно их изучая.

Когда я впервые разглядывала эти диорамы, хранившиеся в подсобке Балтиморского бюро судмедэкспертизы, они были уже старыми и пребывали не в лучшем состоянии. Присматривали за ними, кажется, только сотрудники бюро, которые иногда заводили гостей полюбоваться на эти работы как на исторический курьез. У публики не было возможности увидеть диорамы. Впрочем, несмотря на их возраст и состояние, работы Фрэнсис Ли по-прежнему использовали для подготовки экспертов. Но я боялась, что вскоре их ждет печальная судьба.

В следующие годы усилиями Брюса Голдфарба — администратора Балтиморского бюро судмедэкспертизы и автора этой книги — «Этюды на тему необъяснимой смерти», сделанные Фрэнсис Ли, починили, обновили и сохранили. В 2017 и 2018 годах их выставляли в Смитсоновском институте, о них писали в книгах, журналах и интернете. Книга Голдфарба стала кульминацией многолетних исторических исследований, опирающихся на первичные источники информации, включая бумаги самой Фрэнсис Глесснер Ли. Это история о том, как одна самостоятельная, упорная, интеллектуальная и творческая женщина погрузилась в хобби, оказавшее огромное влияние и на медицину, и на судебную практику. Голдфарб рассказывает о Фрэнсис Глесснер Ли, о ее уме, влиянии, богатстве и пробивном характере, вписывая ее личную историю в историю судебной экспертизы убийств. Эта захватывающая и атмосферная книга докажет вам,

что Фрэнсис Глесснер Ли следует признать родоначальницей современной судебно-медицинской экспертизы.

Ее «Этюды на тему необъяснимой смерти» изменили целый мир.

*Джуди Мелинек, доктор наук,
судмедэксперт, в соавторстве
с Т. Дж. Митчеллом написала мемуары
«Ты труп, приятель. 2 года, 262 тела.
Откровенные дневники судмедэкспер-
та» и роман «Первый разрез»*